

Марк Харитонов

Исправление имен

«Необходимо начать с исправления имен, — отвечал когда-то Конфуций на вопрос, как выработать полноценное понимание, необходимое для успешной, осмысленной деятельности. — Если имена неправильны, то и суждения не имеют под собой оснований. Если суждения не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться». Конкретно речь шла об управлении государством, но сказанное можно отнести ко многим областям жизни, иероглифы позволяют разные толкования. Я вспоминаю слова китайского мудреца всякий раз, когда возникает необходимость уточнить для себя самого смысл понятных, казалось бы, слов. Мы ведь сплошь и рядом употребляем их по привычке, не давая себе труда для начала достаточно уяснить, что они, собственно, значат? Либерал, патриот, демократ, интеллигент, левый, правый?

Недавно меня в очередной раз заставил вспомнить Конфуция разговор на радио «Эхо Москвы». Собеседникам предложено было обсудить вопрос: «Культурная элита — это мозг нации?» Нельзя было отделаться от чувства, что вопрос тут хочется ставить после каждого слова. Культурная? Элита? Мозг? Нации?

Затруднения начались уже с попытки определить понятие элиты: что это, собственно, такое? Слово звучит в наши дни постоянно, в разных сочетаниях. Элитный клуб. Здесь собралась вся элита. (На экране гламурные дамы и господа, перемещающаяся с бокалами в руках, беседуют друг с другом о чем-то, надо полагать, элитарном.) Элита съезжается на элитный курорт. (Новые русские, недавние бандиты, пьют перед камерой элитную водку, тут же разного уровня поп-звезды, которые эту публику приобщают к элитарной культуре, просто элитные проститутки с силиконовыми запчастями.) Элита властная — ну, тут понятней, она прежде называлась номенклатурой, ею, в общем, и осталась, разве что срослась теперь с элитой денежной, банковской. Элита духовная... — но не обсуждать же церковную иерархию...

Нет, это не разговор. Участники беседы примеривали возможные определения: «люди, лучшие в своем классе», «люди, достигшие некоторой высоты своими способностями, своим умением», «люди, чье мнение авторитетно для других». На тему авторитетов, кстати, приводились результаты опроса. Первую дюжину составили, как и можно было ожидать, медийные персоны: актеры, телеведущие, популярные певцы, юмористы: на умы влияют действительно они, не какие-то высоколобые интеллектуалы.

Слово, что говорить, с некоторых пор изрядно опошлено, иной раз способно вызвать брезгливость. Хочется восстановить, хотя бы для себя, его подлинный смысл, «исправить имя». Когда-то неожиданностью для меня было обнаружить в своем старом «Словаре иностранных слов» (1955) и в «Словаре русского языка» (1961), что оно означает только: «лучшие, отобранные растения или животные». Почему-то не люди. Если это слово и употреблялось по отношению к людям, то писалось в прежние времена больше, видимо, по-французски. Так его употреблял, например,

академик Вернадский, когда в 1923—1924 гг. говорил о деятелях российской (впрочем, тогда уже советской) науки и культуры. Он время назад вернулся из Франции, где работал несколько лет, и теперь писал оставшемуся там коллеге, что подумывает, не уехать ли опять. «Мне представляется положение в России мрачным... Труд настоящим образом не оплачивается... Логически я благоприятного исхода не вижу». Это повторяется из письма в письмо. Со временем, однако, начинают появляться и слабые просветы. «Я мрачно смотрю на ближайшее будущее России, — пишет Вернадский в 1924 году, — и мне кажутся эти искания и достижения непрочными — но они есть и достигаются огромной волей и самопожертвованием работающих... Может быть, в этом главная возможность возрождения». И продолжает: «Я уверен, что все решает человеческая личность, а не коллектив, *élite* страны, а нее ее демос, и в значительной мере ее возрождение зависит от неизвестных нам законов появления больших личностей... Если действительно на смену идут новые силы — а факты, к моему совершенному удивлению, как будто начинают на это указывать, — возрождение России может совершиться скорее, чем я думаю. Конечно, если тот же процесс будет проявляться в разных областях культуры, а не только в науке... Но я не верю в чудеса и думаю, что все это совершится медленно».

Цитируя когда-то эти высказывания, я писал, что развитие культурной, духовной жизни, науки, литературы, искусств в стране действительно продолжалось вопреки всем ожиданиям и вероятностям, вопреки той самой логике, которую поминует Вернадский. Удивительно, в самом деле, перебирать имена, старые и новые, в разных областях, по десятилетиям: в 20-е, 30-е, 40-е, 50-е — они составят честь любой культуре. Эти перечни в значительной части совпадут со списками расстрелянных, изгнанных, сосланных, ошельмованных — но ведь каждый раз, из десятилетия в десятилетие, находилось же кого преследовать, и каких людей! Если вдуматься, больше всего достойно изумления это — откуда они еще брались, всюду: в музыке, в биологии, в литературе, в физике? Как они могли выжить, сохраниться, зародиться заново в атмосфере, непригодной для нормальной жизни, после всех войн и волн террора, физического и духовного, когда уничтожались учителя, целые школы, направления, области науки и духовной жизни, когда подрубались и выкорчевывались самые корни?

«Неизвестные нам законы появления больших личностей». Сохранялась ли еще инерция, преемственность, если угодно, тонкий, незащищенный слой (я его сравнивал с грибницей), способный порождать истинных, самоотверженных служителей науки, культуры? Эта грибница была уязвима. Сейчас мы наглядно можем проследить, как целенаправленно нивелировался уровень, искоренялась самостоятельность, внедрялась обязательная идеология. Академия наук, еще долго сохранявшая независимость, последовательно прибиралась к рукам, разбавлялась партийными кадрами, в литературе, искусстве насаждался единый стиль, писатели, готовые нищенствовать, но оставаться свободными, получали возможность сытно подкармливаться в союзах, называемых творческими. (В беседе на «Эхе» прозвучал прелестный термин: творческая номенклатура.) Как соотносилось членство в таких сообществах с принадлежностью к *élite* в понимании Вернадского?

Который раз вспоминается знаменитый роман Германа Гессе «Игра в бисер». Героев романа, элиту будущего, писатель поместил в выдуманную им Касталию. Эта «педагогическая провинция» была создана первоначально небольшой группой служителей духа в ответ на катастрофические потрясения эпохи, когда, по словам Гессе, люди оказались «лицом к лицу с пустотой». Роман писался в годы, когда на родине писателя, в Германии, установилась фашистская диктатура, и главная угроза духу исходила от ее воинственной, насильственной идеологии. Мы у себя тоже не понаслышке знаем, что такое стремление к тоталитарному господству над умами, когда «сколько будет дважды два, решает не факультет, а наш господин генерал». С крушением тоталитарных диктатур проблема, однако, не исчезла, разве что сместились акценты. Видоизменилась, но сохранилась опасность все той же «деморализации духа, инфляции понятий», о которой говорится в романе. «Люди знают или смутно чувствуют, — пишет Гессе: — если мышление утратит чистоту и бдительность, то

вскоре перестанут двигаться корабли и автомобили, не будет уже ни малейшего авторитета ни у счетной линейки инженера, ни у математики банка и биржи, и наступит хаос».

В романе не раз возникает сопоставление Касталии с монастырями, которые в разные века играли роль очагов духовности, образования и культуры, когда для преобладающей массы людей даже простая грамотность бывала недоступна. Но монастыри, при всей своей обособленности от мира, все-таки были обращены к нему, служили ему, осуществляли с ним постоянную связь, даже нередко влияли на текущую политику. Сюда приходили за поучением и утешением, отсюда шли в мир проповедники. Касталия несравненно более замкнута в себе. Ее обитатели чем дальше, тем больше склонны культивировать свои ценности скорее для самих лишь себя. К финалу становится очевидной нежизнеспособность элитарной утопии.

Не может, однако, исчезнуть потребность человеческого сообщества в особой категории людей, чья функция — создавать, сохранять, культивировать жизненно важные для всех ценности, вырабатывать своего рода духовный фермент, обеспечивающий здоровое существование социума, оберегающий цивилизацию от загнивания и вырождения. В любые времена общество инстинктивно выделяет из себя этот слой, движимое некой объективной потребностью — может быть, потребностью в самосохранении.

Слова «элита» все еще будто хочется избегать. Принадлежность к этой неявной, неструктурированной категории не предполагает ни заведомых привилегий, ни богатства, ни власти. Такие люди нигде не могут составлять большинства, в современном массовом обществе они редко получают достойное признание, чаще всего попросту неизвестны. Тут важно отдавать себе отчет, что культура всегда существовала и, видимо, будет существовать на разных уровнях. Есть вещи, которые не могут и не должны быть общим достоянием; какие-то идеи, открытия, представления, во всяком случае, поначалу бывают доступны немногим, лишь со временем они могут распространиться и более широко, оказывая влияние на всех, — но не сразу и не непосредственно, а по ступенькам, от уровня к уровню. Проблема, однако, в том, чтобы эти уровни не были отчуждены друг от друга. Речь идет об их соотношении и взаимовлиянии. Утопично полагать, будто «элитарная» культура может, да и должна стать когда-нибудь всеобщим достоянием; но беда и гибель, если «массовая» культура станет самодовлеющей, вытеснив или подменив представление об иных ценностях. Мир, состоящий из одних лишь высоколобых мудрецов, оказался бы, очевидно, нежизнеспособным. Менее очевидно, пожалуй, обратное: культивирование одних лишь массовых ценностей рано или поздно обрекает общество на вырождение.

Что такое культурная элита, вряд ли сформулируешь в двух словах. Но что-то подобное ведь можно сказать и об интеллигенции. Это чисто российское понятие с самого начала не отличалось четкостью, известны десятки определений, над интеллигенцией всячески издевались, ее уже не раз хоронили. Мне вспомнилось, как один умный человек заметил по этому поводу, что можно обойтись и без определений: интеллигент узнает интеллигента интуитивно, при встрече или заочно, слушая его или читая.

Конфуцию требовалась государственная четкость, нам «исправление имен» пока еще не очень дается. Можно говорить, скажем, не об элите, а о духовном аристократизме — прекрасное слово! Для меня олицетворением этого аристократизма был, например, Осип Мандельштам, ходивший в пиджаке с чужого плеча, но всей своей жизнью, поведением, творчеством утверждавший неколебимость ценностей, которые, может быть, до сих пор помогают всем нам держаться. Не знаю, как бы он сам воспринял это определение, но, думаю, без сомнений мог бы его отнести к своему единомышленнику и другу Анне Андреевне Ахматовой, к кругу близких по духу, по нравственным представлениям, знакомых или незнакомых людей.

Не так давно мне на глаза попало суждение Карла Ясперса. «Тот, кто хочет жить в незамкнутом, неорганизованном и не допускающем организации сообществе подлинных людей — раньше это называли невидимой церковью, — пишет фи-

лософ, — тот фактически живет в наши дни как единичный человек, связанный с другими рассеянными по земному шару единичными людьми, в союзе, который устоит в любой катастрофе, в доверии, которое не зафиксировано в договорах и не гарантируется выполнением каких-либо определенных требований».

Хорошо, не правда ли? Ясперс не дожил до Интернета: при чтении невольно приходит на ум сеть, позволяющая осуществить мечту о связи с разбросанными по миру единомышленниками. Определить бы еще точнее, что такое «подлинные люди» — для меня, что говорить, честью было бы ощутить принадлежность к этому невидимому сообществу.

Позволю себе не завершить — подкрепить свои размышления фрагментом из моего уже давнего романа «Возвращение ниоткуда». Там один из персонажей рассказывает:

«В известных легендах говорится о людях, на которых якобы держится некое равновесие мира. Их должно быть всегда строго определенное число. Допустим, тридцать шесть, но в любом случае не меньше. Никто этих людей не знает и знать не должен. Более того, они и сами даже не догадываются, что на них сходятся некие нити. Что это за равновесие, толковать можно по-разному; но по некоторым толкованиям для него не безразлично ни малейшее доброе движение, ни шевеление зла, ни мелкая фальшь или недобросовестность мысли. В нормальные времена всякие мелкие сдвиги компенсируются, запас устойчивости поддерживается как бы сам собой. И если кто-то из этих тридцати шести — или сколько их там — выбывает, его заменяет другой. Но непременно должен заменить. Как происходит выбор и замена, от нас скрыто».

Это, конечно, не про элиту. Это про то, чего каждый из нас в отдельности (по умолчанию) не может знать — и не должен. Но прекрасный (не мной придуманный) образ, мне кажется, стоило бы держать постоянно в уме.